DOI: 10.24412/2470-1262-2026-3-105-117
УДК (UDC): 81-119

Isayev Khurshud B.,
Kafkas University,
Kars, Turkey
https://orcid.org/iD-0000-00024578-3833

Demianiuk Anzhela A.,
Kafkas University,
Kars, Turkey
https://orcid.org/iD-0000-0001-7704-4157

For citation: Isayev Khurshud B., Demianiuk Anzhela A.(2026). Poetic Representation of the Russo-Turkish War of 1828–1829: Historical Memory and Artistic Interpretation. Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol. 11, Issue 3 (2026), pp.105-117 (in USA)

Manuscript received: 08/09/2026
Accepted for publication: 10/11/2026
The authors have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

POETIC REPRESENTATION OF THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1828–1829: HISTORICAL MEMORY AND ARTISTIC INTERPRETATION

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828−1829 ГГ.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Abstract:

The article is devoted to a comparative analysis of Russian and Turkish songs and poetic works reflecting the events of the Russo-Turkish War of 1828–1829 on the Caucasian (Eastern) Front. The study is based on Russian soldiers' songs, Turkish ashik songs, dastans, mersiye (laments), and other works of military-historical folklore. Particular attention is paid to the representation of military events related to the sieges and captures of Kars, Akhaltsikhe, and Erzurum, as well as to the artistic interpretation of war in Russian and Turkish literary traditions. The article examines the formation of the enemy image, the specifics of depicting military actions, and the reflection of historical memory in the folk poetry of both nations. The analysis demonstrates that Russian military-historical songs primarily focus on glorifying military valor, heroism of soldiers and commanders, successful campaigns, and victories of Russian arms. In contrast, Turkish ashik songs and dastans emphasize the tragic consequences of war, the destruction of cities, the suffering of civilians, the loss of homeland, and the resistance of the defenders of Ottoman fortresses. Particular significance is attached to the images of Kars, Akhiska (Akhaltsikhe), and Erzurum, which function as important symbols of historical memory and national identity. The

comparative analysis reveals that the same historical events received different artistic interpretations depending on national cultural traditions and collective memory. Military songs and poems are considered an important historical and cultural source that makes it possible to study not only the factual aspects of the war but also the perception of military events in Russian and Turkish folk culture during the first half of the nineteenth century.

Keywords: Russo-Turkish War of 1828–1829, military-historical folklore, Russian soldiers' songs, Turkish ashik songs, dastan, historical memory, Kars, Akhaltsikhe, Erzurum

Аннотация:

Статья посвящена сравнительному анализу русских и турецких песен и стихотворных произведений, отражающих события Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на Кавказском (Восточном) фронте. Исследование выполнено на материале русских солдатских песен, турецких ашикских песен, дастанов, мерсие (плачей) и других произведений военно-исторического фольклора. Особое внимание уделено отражению военных событий, связанных с осадой и взятием Карса, Ахалциха и Эрзурума, а также художественному осмыслению войны в русской и турецкой литературных традициях. В работе рассматриваются особенности формирования образа противника, специфика изображения военных действий, а также отражение исторической памяти в народной поэзии двух народов. Анализ показал, что русские военно-исторические песни преимущественно сосредоточены на прославлении воинской доблести, героизма солдат и полководцев, успешных военных походов и побед. В свою очередь, турецкие ашикские песни и дастаны акцентируют внимание на трагических последствиях войны, разрушении городов, страданиях мирного населения, утрате родных мест и сопротивлении защитников османских крепостей. Особое место в исследуемых произведениях занимают образы Карса, Ахыска (Ахалциха) и Эрзурума, выступающие важными символами исторической памяти и национальной идентичности. Сравнительный анализ показал, что одни и те же исторические события получили различную художественную интерпретацию в зависимости от национальной культурной традиции и коллективной памяти. Военные песни и стихи рассматриваются как важный историко-культурный источник, позволяющий изучать не только фактическую сторону войны, но и особенности восприятия военных событий в русской и турецкой народной культуре первой половины XIX века.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1828–1829 гг., военно-исторический фольклор, русские солдатские песни, турецкие ашикские песни, дастан, историческая память, Карс, Ахалцих, Эрзурум

Введение *(Introduction)*

Турция и Россия как соседние государства на протяжении многовековой истории прошли сложный путь взаимоотношений. Одним из важнейших направлений внешней политики Российской империи являлось укрепление своих позиций на южных рубежах и обеспечение выхода к морским коммуникациям. В связи с этим со второй половины XVII века и до начала XX века между Российской и Османской империями происходило длительное военно-политическое противостояние [10]. Русско-турецкие войны оказали значительное влияние на историческую память обоих народов. Вооруженные конфликты между двумя государствами оставили глубокий след не только в политической истории, но и в литературе

Турции и России. Вместе с тем со временем наблюдалось постепенное сближение двух держав и развитие добрососедских отношений. Уже в XVII веке в русской науке появилось «отчетливое понимание необходимости изучения Востока, прежде всего Османской Турции» [16, с. 27]. Важную роль в формировании представлений о двух странах сыграли отчеты и донесения турецких и русских дипломатов, которые являлись ценным источником знаний о государственном устройстве, культуре и общественной жизни [16, с. 27].

Сведения о России встречаются уже в записках Неджети-Эфенди, которые относятся к числу ранних османских источников, содержащих информацию о северном соседе Османской империи. Постепенное расширение политических, дипломатических и военных контактов между двумя государствами способствовало росту интереса османских интеллектуалов к изучению России, ее государственного устройства, армии и общественной жизни. Важную роль в формировании подобных представлений сыграл Ибрагим Мютеферрика, который в 1731 г. представил образцы государственного и военного опыта России, рассматривая их как возможный источник полезных преобразований для Османской державы [3, с. 79]. Образ России получил дальнейшее развитие в трудах Ресми-Эфенди, уделявшего внимание вопросам внешней политики и международных отношений. Благодаря деятельности османских дипломатов и путешественников в Османской империи постепенно формировались более подробные представления о российских землях, населении, обычаях и особенностях государственного управления. Среди подобных сочинений особое место занимают труды знаменитого путешественника Эвлии Челеби, оставившего ценные сведения о народах и территориях Восточной Европы и России [16].

К числу основных направлений русского востоковедения относились и «научные изыскания в области турецкого языка, культуры и истории турок» [13, с. 16]. Тема Востока и Турции получила широкое отражение в творчестве русских писателей. Появилось множество произведений, способствовавших формированию представлений о стране-соседе. В них раскрывался реальный облик Турции, ее культурные ценности и особенности общественной жизни. Значительный вклад в изучение турецкого общества внесли паломники, путешественники и дипломаты, посетившие Османскую империю. В их сочинениях нашли отражение особенности быта, национального характера и народных традиций. Как отмечал известный востоковед и писатель О.И. Сенковский, «чтобы понять Турцию, подобно сперва освободиться от огромной тяжести своих предрассудков. Турки обнаруживают много хороших качеств, которые приятно принять в счет даже неприятеля. Они вообще смирны, внимательны к удовольствию других, вежливы с чужими и в примечательной степени честны и прямодушны» [15, с. 50].

В изучении истории и культуры обеих держав одной из важнейших является тема войны, получившая широкое отражение в произведениях военной литературы, в том числе в песнях и стихах. Параллельно с русско-турецкими конфликтами развивалась и батальная традиция в литературе. Отличительной особенностью поэтических и песенных произведений, создававшихся во время войны и после ее окончания, является изображение жизни как военнослужащих, так и мирного населения.

Целью статьи является анализ военных песен и стихов, созданных на русском и турецком языках и посвященных событиям Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на Кавказском театре военных действий, прежде всего в Карсе, Ардахане, Ахалцихе и Эрзуруме.

Следует отметить, что рассматриваемые песни и стихи посвящены реальным историческим событиям. Их отличительной особенностью считается высокая художественность, достигаемая посредством разнообразных поэтических средств. Своеобразие сюжетов и композиции, богатство художественных образов, пейзажных зарисовок и сцен военной жизни позволяют воссоздать масштабную картину войны и особенности ее восприятия современниками.

Обзор литературы (Literature Review)

Настоящее исследование основано на материале военных песен и стихов, созданных на русском и турецком языках и посвященных Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Различные аспекты данной проблематики нашли отражение в научных книгах, монографиях, докторских диссертациях, статьях и научных сообщениях. Среди наиболее значимых работ следует отметить академическое издание «Русская историческая песня» (1973, 1990, 2001), исследование А. Широкорада «Русско-турецкие войны 1676–1918 гг.» (2000), труд В.А. Потто «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, Т. IV: Турецкая война (1828–1829 г.)» (1887), монографию А.Р. Цивелева «Влияние Востока на культуру и поэзию России» (2010), работу Е.А. Ростовцева и И.В. Сидорчука «Образ Турции и турок в текстах русской художественной литературы XIX–XX веков в контексте формирования современной исторической памяти россиян» (2014), исследование Е.В. Бахревского и И.А. Свистуновой «Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние» (2019), труды Мехмета Фуата Копрюлю «Türk Edebiyatı Tarihi» (2003), Хаджер Гюльшен «Mili Mücadele Döneminde Savaş Edebiyatımız» (2014), Хасана Улуджутсоя «Türk Savaş Edebiyatı ve Propaganda» (2008), а также Фахреттина Кырзыоглу «Edebiyatımızda Kars» (1958).

Материалы и методы (Materials and Methods)

Военные песни и стихи, посвященные Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., сохраняют свою научную значимость и в настоящее время, а различные аспекты их исследования остаются актуальными. Основная идея турецких военных песен связана с защитой родной земли, прославлением ее защитников и увековечением памяти тех, кто погиб за свою родину. В отличие от турецких произведений, русские солдатские песни преимущественно отражают военные события и посвящены командирам и солдатам – непосредственным участникам боевых действий. Следует отметить, что в трудах ряда русских историков, посвященных Кавказу и Карсу, политика Российской империи нередко интерпретировалась как освободительная миссия и цивилизационный процесс [4]. Вместе с тем судьба простого солдата обеих противоборствующих сторон во многом была схожей.

Историческая достоверность военных песен и стихов сохраняет свою значимость и в наши дни. Многие современные исследователи обращаются к этим произведениям как к источникам, содержащим сведения о реальных событиях, конкретных исторических личностях и общественных настроениях эпохи. Как отмечает Л.И. Емельянов, «в них отчетливо виден русский солдат – вчерашний крестьянин, на долгие годы, а то на всю жизнь оторванный от дома, солдат, любящий и негодующий, беспечно веселый и глубоко размышляющий о своей тяжелой жизни» [6, с. 33]. Все эти песни и стихи «верно передают дух эпохи, отражают многие и многие реальные факты и художественные детали тех или

иных событий» [6, с. 33]. По мнению Э.С. Литвин, среди военных песен можно выделить две разновидности: «песни с ярко выраженной сюжетной структурой, и песни-хроники, в которых ход повествования более или менее воспроизводит последовательность подлинных событий» [9]. В XIX в. исторические песни создавались преимущественно солдатами и казаками, выражавшими собственное отношение к военным событиям и армейскому быту. Как отмечают исследователи, «абсолютное большинство исторических песен этого времени записаны в военной среде» [1, с. 31].

Стоит отметить, что Османская империя оказалась недостаточно подготовленной к войне 1828–1829 гг., начавшейся после вступления России в военный конфликт [10]. Карсская, Ардаханская и Ахалцихская крепости на протяжении длительного времени не подвергались должной реконструкции и укреплению, что существенно ослабило их обороноспособность. В XIX веке Карс трижды переходил под контроль русских войск. Первое взятие города произошло 23 июня 1828 г., когда пала считавшаяся неприступной Карсская крепость. В том же году, 15 августа, был взят Ахалцих, а 22 августа – Ардахан. Еще в XVI веке был образован Ахалцихский пашалык – административная единица в составе Османской империи. В его состав входили Ахалцихский и Ахалкалакский уезды. В результате Русско-турецкой войны1828–1829 гг. Ахалцихский пашалык прекратил свое существование, а часть его территории вошла в состав Российской империи [7]. Последовавшие политические и демографические изменения сопровождались переселением части местного мусульманского населения во внутренние районы Османской империи. Кроме того, в Ахалцихе вспыхнула эпидемия чумы, которая быстро распространилась как среди местного населения, так и среди военнослужащих русского гарнизона [5]. В этих условиях государство было вынуждено активизировать пропагандистскую деятельность, направленную на формирование добровольческих отрядов. Существенную роль в этом процессе сыграли ашикские песни, основной задачей которых являлись поддержание боевого духа населения и прославление подвигов защитников Родины. Жанровое своеобразие литературы военного времени заключается в том, что ашики в основном обращались к жанрам дастана и притчи, в которых воспевались не только воины, но и представители мирного населения, принимавшие участие в событиях войны, а также известные деятели Исламского мира [17, с. 37].

Своеобразие военной литературы и музыкальной культуры Османской империи связано с развитием вокальной традиции, сопровождавшейся исполнением под саз. Истоки военной музыкальной культуры восходят к традициям гуннов и сельджуков. Такая музыка исполнялась как в общественной среде, так и непосредственно в районах военных действий [18, с. 146]. Военная музыка выполняла важные функции: демонстрировала мощь армии, поддерживала боевой дух солдат и оказывала психологическое воздействие на противника. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. получила широкое отражение в турецкой литературе, прежде всего в ашикских песнях и дастанах. Военные действия русской армии вызвали сильный общественный отклик среди населения Османской империи, что нашло освещение в народной поэзии [8, с. 88]. В дастанах человек изображается на фоне войны как общенационального бедствия и одновременно как участник масштабного исторического процесса, определяющего судьбы людей и народов.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Падение исторических крепостей Карса и Ахалциха, являвшихся символами стойкости и непокорности Османской империи на Кавказе, вызвало широкий общенародный гнев и возмущение, что нашло отражение в творчестве народных поэтов-ашиков. В стихотворении ашика Османа «Türki i viran Ahıska» («Разорённая турецкая Ахыска») народное осмысление утраты Карса раскрывается через мотивы предательства и бездействия властей. Причиной военного поражения автор называет «хитрость визирей» и отсутствие должного усердия в защите крепости, что свидетельствует о критическом восприятии населением действий османской администрации. Образ семикратно укреплённой крепости Карса подчеркивает ее мощь и неприступность, вследствие чего потеря города воспринимается не столько как результат военного превосходства противника, сколько как следствие измены и политических ошибок. Особую эмоциональную выразительность создает утверждение о том, что крепость была «продана московитам», что является характерным для народной поэзии художественным приёмом гиперболизации и символическим выражением чувства несправедливости и горечи, вызванных поражением. Таким образом, произведение передает коллективное переживание утраты важного военно-политического и духовного центра и выступает своеобразной формой народной исторической памяти:

Bunda belli vezirlerin hilesi
Hiç mi gayret yoktur Hak’tan bulası
Yedi kattır derler Kars’ın kalesi
Sattılar, Moskova'ya tez elden gitti.
Здесь, видать, визирей кроется обман,
Неужели Божья помощь не дана?
Семь рядов твердынь имеет крепость Карс,
Продали ее Москве и пропал Карс навсегда.

[17, с. 39].

Падение Карсской крепости нашло отражение и в произведениях жанра народного плача. В Карсе была широко распространена устная поэтическая традиция, в рамках которой создавались произведения в жанрах ağıt и mersiye. Поэт из Карса Мехмет Халис Эфенди создал мерсие, посвящённое падению Карса и страданиям мусульманского населения, в традициях диванной литературы. Произведение проникнуто мотивами скорби, утраты и религиозного страдания. В нём выражается боль мусульманского населения, переживающего потерю родного края и своих святынь. Образы кровавых слез, мольбы о спасении мечетей, оказавшихся во власти иноверцев, подчеркивают трагическое восприятие исторических событий и формируют эмоционально насыщенную картину народного горя:

Dem-be-dem kan ağlasınlar
ehl-i iman el-aman
Kaldı küffar ellerinde
cami ü Kuran‘ımız
Пусть льются кровавые слезы
Из очей правоверных людей,
В руках неверных остались
Наши мечети и священный Коран.

[11, с. 27].

Дастаны, посвященные событиям войны, проникнуты патриотизмом, любовью к родной земле, восхищением ее защитниками и готовностью к самопожертвованию во имя Отечества. После падения Карса русскими войсками был взят и Ахалцих, что также получило отражение в народной поэзии. «Ahıska Destanı» («Дастан Ахыска») представляет собой историко-героическое произведение с ярко выраженными чертами народного плача. В центре повествования находится судьба города, который выступает не просто

географическим объектом, а символом родной земли, переживающей разрушение, утрату и страдания:

Kavgalar kuruldu günler farıdı	Грянули сраженья − померкли дни,
Ahıska üstünü duman bürüdü	Дымом затянуло Ахыска-край,
Dini İslâm olan bütün kırıldı	Всех приверженцев ислама погубили,
Toz duman içinde kalan Ahıska.	И осталась Ахыска в пыли и дыму.
<...>	<...>
Kars Kalesi'nin vergisini verdiler	Карсскую крепость врагу уступили,
Ahıska‘nın erkeklerin kırdılar	Мужей Ахыска безжалостно перебили,
Kız gelin komayıp bütün aldılar	Не оставив ни дев, ни невест, увели всех,
Kızları da esir giden Ahıska	И дочери Ахыска в неволю ушли.

[17, c. 40-41].

Основу идейного содержания этого дастана составляет мотив национальной и религиозной трагедии. Военные события изображаются через призму человеческих страданий: гибели населения, разрушения привычного уклада жизни, пленения женщин и утраты родного края. Уже в первых строках произведения создаётся мрачная картина бедствия: «померкли дни», «дымом затянуло Ахыска-край», «всех приверженцев ислама погубили». Эти образы формируют атмосферу скорби и подчеркивают масштаб переживаемой катастрофы. Существенное место в произведении занимает тема утраты военной и политической опоры. Упоминание Карсской крепости, которая была «уступлена врагу», отражает народное восприятие поражения как следствия не только военного превосходства противника, но и неспособности властей обеспечить надлежащую защиту своих территорий. Особую эмоциональную выразительность дастану придает изображение судьбы мирного населения. Гибель мужчин и пленение девушек и молодых женщин являются традиционными мотивами исторических плачей и песен о войне. В данном произведении они выступают символом разрушения социальной и семейной структуры общества. Через судьбу отдельных людей раскрывается трагедия всего народа, а Ахыска становится собирательным образом утраченной родины. Историческая ценность дастана «Ахыска» заключается в сохранении народной памяти о военных событиях и их последствиях для местного населения. Произведение отражает не столько документальную сторону войны, сколько ее эмоциональное восприятие современниками, фиксируя коллективные представления о потере родины, разрушении привычного мира и судьбе народа в переломный исторический период.

Причитание ашика Гариба «1244 Tarihli Ahıska Ağıdı» («Плач Ахыски 1244 г.») представляет собой историко-эпическое произведение, посвященное трагическим последствиям Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. для населения Ахыска. В его основе лежат мотивы народного горя, утраты родины, разрушения материальных и духовных ценностей, а также призыв к сохранению национального и религиозного самосознания перед лицом внешней угрозы. Центральное место в причитании занимает образ Ахыска как страдающей родины. Разрушение города показано через конкретные картины военного разорения: сожжение домов, разграбление имущества, вторжение солдат и казаков. Эти события представлены не только как военное поражение, но и как глубокая национальная трагедия, затронувшая все стороны жизни местного населения:

Yaktı Moskof	Заполонили край солдаты и казаки,
bastı saldat Kazağı	Разграбили все имущество и дворы
Taladı malların hanın Ahıska.	Ахыска.
Сжег его московит,	
<...>	<...>
Ahmediye minaresi söküldü	Минарет мечети Ахмедие разобрали
Arabaynan Uruset‘e çekildi.	И на повозках в Россию увезли.
<...>	<...>
Minare yerine zenkler asıldı	Вместо минарета повесили колокола
Mescit mihrabına ayak basıldı	На священный михраб ступила чужая нога,
Toprağından bin bereket kesildi	Лишилась земля ее тысяч благословений,
Kurudu sünbülün denin Ahıska.	И увяли колосья Ахыска.

[11, с. 267].

Особое значение в этом причитании имеет мотив утраты религиозных святынь. Демонтаж и вывоз в Россию минарета мечети Ахмедие выступают символом разрушения привычного духовного пространства и утраты значимых элементов исламской культуры. В народном сознании минарет является не только архитектурным сооружением, но и символом присутствия мусульманской общины. Поэтому его исчезновение воспринимается как утрата исторической памяти и религиозной идентичности. Кульминацией произведения становятся строки о замене минарета колоколами и осквернении михраба. Эти образы обладают высокой символической насыщенностью и отражают представления автора о глубоком изменении духовного облика края. Колокола становятся знаком смены прежнего религиозного порядка, тогда как образ чужой ноги, ступившей на михраб, подчеркивает мотив поругания святыни. Важную роль играет и образ земли, лишившейся благословения. Строки об увядших колосьях основаны на традиционной для тюркского фольклора символике плодородия. Исчезновение урожая выступает метафорой общего упадка края после войны. Вместе с тем, описывая разрушения и унижения, автор стремится сохранить память о прошлом, укрепить чувство общности и пробудить готовность народа к сопротивлению и защите своих духовных и культурных ценностей.

Интересные сведения о штурме и взятии Ахалциха русскими войсками содержатся в труде известного историка В.А. Потто «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях». Автор отмечает, что Ахалцих был «беспомощный, но грозный, тверд решимостью погибнуть или отстоять свою вековую независимость» [14, с. 150]. Главная сила Ахалциха, по мнению исследователя, заключалась не только в его знаменитой крепости, но и в самом городе «с его 25-ю тысячным населением» [14, с. 153]. Все население принимало участие в обороне и «каждый дом приходилось вырывать приступом из рук защитников» [14, с. 170]. В связи с этим русские войска были вынуждены использовать большие запасы сена и соломы для поджога городских построек. Описывая трагические события штурма, В.А. Потто отмечает: «Никто из ахалцихских жителей не хотел сдаваться, и даже женщины проникнуты были таким фанатизмом, что многие, стараясь избегнуть плена, добровольно кидались в огонь; другие – вооруженные кинжалами, шли в битву» [14, с. 171]. По свидетельству автора, подобных эпизодов было множество − «полных ужаса, смерти и нечеловеческого возбуждения, следовавших один за другим. В Ахалцихе был настоящий ад, способный потрясти самые железные нервы» [14, с. 172]. Согласно приведенным данным, во

время штурма погибло «более трех тысяч и между ними до сотни женщин» [14, с. 178]. Сведения, содержащиеся в «Дастане Ахыска», находят определенное подтверждение и в исторических источниках. Так, автор произведения упоминает о разорении мечети Ахмедие и вывоз ее ценностей в Россию. В.А. Потто также пишет о последующей судьбе этого религиозного комплекса: «Ахмедиева мечеть обращена русскими в православный храм. А знаменитая библиотека, с ее драгоценными рукописями, в качестве трофея вывезена в Петербург и ныне на пользу науки хранится в Императорской публичной библиотеке» [14, с. 191]. Данные свидетельства представляют интерес не только как исторические факты, но и как материал для сопоставления народной поэзии с документальными источниками эпохи.

Победа русской армии в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. представлена в солдатской песне «Ой, в поле липенька стояла», созданной одним из участников военных действий. Согласно имеющимся сведениям, данная песня исполнялась русскими солдатами во время похода на Ахалцих. Она представляет собой образец военно-исторического фольклора, посвященного осаде и штурму города. В произведении создается образ хорошо укрепленной крепости и многочисленного турецкого войска, что подчеркивает сложность предстоящего сражения. С помощью повторов и звуковых образов пушечной стрельбы, свиста пуль и блеска оружия передается напряженная атмосфера боя. Песня сочетает реалистическое изображение военных действий с героическим пафосом и отражает восприятие войны глазами ее непосредственных участников:

Ой, между гор –
Ахалцих стоит,
А вокруг стена
Ров широк лежит.
Там турецкая рать
Стоит сила грозная
Несметным числом.
Несметное воинство.
Палят пушки
Палят пушки вражий,
Блестят ножи –
Блестят ножи острые,
Свистят пули –
Свистят пули меткие [14, с. 185-186].

В русской песне, сочиненной рядовым Любимовым, также представлены реальные исторические события войны. Автор песни уделяет особое внимание силе и стойкости турецких защитников, признавая их упорное сопротивление:

Турок крепко защищался,
Долго в руки не давался;
Но что может против стать?
Русские лезут город брать [14, с. 189].

В данном песенном фрагменте противопоставляется стойкая оборона турецкой крепости и решительное наступление русских войск. Посредством риторического вопроса и динамичного образа штурма подчеркивается неизбежность победы русской армии. Произведение проникнуто героическим пафосом и отражает характерные для военно-

исторического фольклора мотивы воинской доблести, мужества и наступательного духа. В русских песнях, посвященных войне, в поэтической форме представлены различные эпизоды военных действий, а также содержится множество хвалебных характеристик русских полководцев и солдат. Автор песни достаточно подробно описывает сцены ожесточенного сопротивления турецких защитников и последующего штурма города.

Солдатская песня «Турки похваляются разбить русские войска» представляет собой еще один образец русского военно-исторического фольклора, в котором прославляются сила, мужество и боевой дух русской армии. Центральное место в произведении занимают мотивы воинской доблести, уверенности в победе и превосходства над противником. Гиперболизированные образы боя и завоевания придают песне героико-эпический характер, а эмоциональные повторы и восклицания усиливают ее патриотическое звучание. Лирический герой уверен в военном успехе и говорит о полном покорении турецкой земли:

Эх мы начнем турка палить-валить,
Мы начнем турка палить-валить.
Э-эх выше леса дым столбом будет валить,
Выше леса дым столбом будет валить,
Э-ох мы покроем всю турецкую землю [6, с. 363].

После взятия Карса и Ахалциха русские войска заняли Эрзурум. Известия о падении Карса достигли Эрзурума еще до появления русской армии у стен города. После падения Эрзурума муфтий Дурсун Ахмет Намики создал мерсие (плач), в котором выразил скорбь по поводу произошедших событий. В произведении подчеркивается, что население Эрзурума опасается повторения судьбы Ахалциха. Взятие Эрзурума имело важное военно-стратегическое значение, поскольку открывало новые возможности для дальнейшего продвижения России в Восточной Анатолии. Характеризуя стратегическое положение города, Карл Маркс отмечал: «Если Карс является ключом к Эрзуруму, то Эрзурум является ключом к Константинополю и центром, где сходятся стратегические и торговые пути Анатолии» [12]. Значение этой победы нашло отражение и в русских солдатских песнях. Как отмечает С.Н. Азбелев в комментариях к песне «Поход на Эрзерум», «русские войска, действовавшие в Закавказье, одержали блестящие победы» [2, с. 477]. Если турецкие военные песни преимущественно наполнены мотивами скорби, утраты и тревоги за судьбу родного края, то русские произведения характеризуются настроением уверенности и ожиданием победы. Так, в песне «Поход на Эрзерум» читаем:

Уж вы горы мои, горы турецкие,
Уж вы горы, вы крутые мои горы!
Вы позвольте, мои горы, под собою ночь ночевать,
Под собою ночь ночевать и ту всю не спать,
Всю ночку не спать – порох, заряды пол
Стойте вы, турки, не стреляйте,
Вы заряды свои не теряйте!
Мелкого ружья да я не боюся,
До Больбурта я доберуся,
В Ирзарюме расположуся! [2, с. 490].

Песня «Поход на Эрзерум», представляет собой яркий образец русского военно-исторического фольклора, в котором прославляются мужество, решительность и боевой дух

русских воинов. Через обращение к турецким горам и упоминание Эрзерума создаётся образ трудного, но победоносного военного похода. Центральными мотивами произведения выступают героизм, бесстрашие перед противником и уверенность в успехе русского оружия. Песня отражает народное восприятие Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и сохраняет память о военных событиях Кавказского театра военных действий.

После подписания Адрианопольского мирного договора Русско-турецкая война 1828–1829 гг. завершилась. Зимой 1830 г. русская армия оставалась в Карсе, однако уже весной того же года войска под командованием И.Ф. Паскевича покинули город. Возвращение Карса под власть Османской империи нашло отражение в стихах ашика Зюлали:

Bir yıl oldu gülşen bülbüle zindan	Вот уж год, как сад стал темницей соловью,
Arslanlar çekildi boş kaldı meydan	Ушли львы − и опустело поле битвы,
Kara güne düştük İslâm sergerdan	У нас черные дни, и смятен народ ислама,
Moskof zulmeyledi Firavunvari.	Московит творит жестокости, как Фараон.
<…>	<…>
Kars'ın yine öter kumru bülbülü	Снова в Карсе поют горлица и соловей.

[11, с. 32-33].

Заключительная строка данного стихотворения − «Снова в Карсе поют горлица и соловей» − выполняет функцию смыслового и эмоционального завершения произведения. Образы горлицы и соловья, традиционно связанные в тюркской поэтической культуре с миром, любовью и гармонией, символизируют возрождение жизни после периода военных испытаний. Наречие «снова» подчеркивает идею обновления и возвращения к естественному порядку вещей. Пение птиц становится художественным воплощением надежды, противопоставленной мотивам разрушения и утраты, а сам образ Карса приобретает символическое значение родной земли, способной к возрождению несмотря на пережитые исторические потрясения.

Заключение (Conclusion)

Тема войны занимает важное место в историко-культурном наследии как Турции, так и России. Военные песни и стихотворные произведения являются ценным историко-литературным источником, позволяющим не только реконструировать отдельные события прошлого, но и выявить особенности их восприятия современниками. Отличительной особенностью поэтических и песенных произведений, созданных во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и после ее окончания, является отражение жизни как непосредственных участников военных действий, так и мирного населения, оказавшегося в зоне вооруженного противостояния.

Проведенное исследование показало, что события Русско-турецкая война 1828–1829 гг. нашли широкое отражение как в русской военно-песенной традиции, так и в турецкой ашикской поэзии. При этом произведения обеих сторон существенно различаются по своему идейному содержанию, системе образов и эмоциональной направленности.

В турецкой литературной традиции военные события преимущественно представлены в ашикских песнях, дастанах и причитаниях. Для этих произведений характерны мотивы любви к родной земле, патриотизма, скорби по погибшим и переживания трагических

последствий войны. В дастанах и плачах военные события осмысливаются как общенациональное бедствие, оказавшее влияние на судьбы людей, религиозную жизнь и культурную память народа. Особое место в произведениях занимают образы Карса, Ахыска (Ахалциха) и Эрзурума, которые выступают не только как реальные исторические города, но и как символы родины, утраты и национальной стойкости. Ашик Осман в стихотворении «Türki i viran Ahıska» («Разорённая турецкая Ахыска»), поэт из Карса Мехмет Халис Эфенди в мерсие о падении Карса, анонимный автор «Ahıska Destanı» («Дастан Ахыска»), ашик Гариб в причитании «1244 Tarihli Ahıska Ağıdı» («Плач Ахыски 1244 г.»), эрзурумский муфтий Дурсун Ахмет Намики в мерсие о взятии Эрзурума и другие авторы создают художественную картину войны, акцентируя внимание на разрушениях, страданиях населения, утрате святынь и вынужденных миграциях местных жителей.

Русские солдатские песни, напротив, преимущественно сосредоточены на изображении военных походов, осад и штурмов крепостей, а также на прославлении полководцев и рядовых участников сражений. Для них характерны героический пафос, уверенность в победе, восхищение воинской доблестью и боевым духом армии. Вместе с тем в ряде произведений находят отражение тяготы военной службы, опасности походной жизни и уважительное отношение к стойкости противника. В песнях «Ой, в поле липенька стояла», «Турки похваляются разбить русские войска», «Поход на Эрзерум» описываются реальные события Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., связанные со взятием Ахалциха, Карса и Эрзурума.

Сравнительный анализ русских и турецких песенных произведений позволяет сделать вывод о том, что одни и те же исторические события получили различную художественную интерпретацию в зависимости от национальной традиции и коллективной исторической памяти. В турецких произведениях преобладают мотивы утраты, скорби и защиты родной земли, тогда как в русских песнях доминируют темы воинской славы, победы и героизма. Однако обе традиции объединяет стремление сохранить память о событиях войны и передать потомкам представления современников о пережитом историческом опыте.

Таким образом, военные песни и стихи, посвященные Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., представляют собой важный историко-культурный источник, позволяющий исследовать не только фактическую сторону военных событий, но и особенности формирования исторической памяти, национальной идентичности и художественного осмысления войны в русской и турецкой литературных традициях.

References:

1. Azbelev, S.N. (1986). *Istoricheskie pesni. Ballady*. Moskva: Sovremennik. 622 p.
2. Azbelev, S.N. (2001). *Russkie istoricheskie pesni.* Moskva: Russkaya kniga. 528 p.
3. Bakhrevskiy, E.V., Svistunova, I.A. (2019). *Obraz Rossii v Turtsii. Istoricheskoe razvitie i sovremennoe sostoyanie: monografiya.* Moskva: Institut Naslediya. 234 p.
4. Candan Badem (2010). *Çarlık Rusyası yönetiminde Kars vilayeti.* İstanbul: Birzamanlar Yayıncılık. 479 p.
5. Cherkasov, A.A., Bratanovskiy, S.N., Vallou, A. (2017). *Poteri russkoy armii v Zakavkaz'e v russko-turetskuyu voynu (1828–1829 gg.): istoriko-statisticheskoe issledovanie. Rusin.* No. 4 (50). P. 38–60.
6. Emel'yanov, L.I. (1990). *Russkaya istoricheskaya pesnya.* Leningrad: Sov. pisatel'. 464 p.

7. Gadzhiev Asif. *Istoriya turok-akhyska*. URL: https://www.ahiska-gazeta.com/ru/histories/47/ (accessed: 28 July 2026).
8. Gülşen Hacer. (2008). *Milli Mücadele Döneminde Savaş Edebiyatımız. İlmi Araştırmalar.* No. 25. P. 85–96.
9. *Istoricheskie pesni XIX veka (1973)* / podgot. L.V. Domanovskiy, O.B. Alekseeva, E.S. Litvin; otv. red. V.G. Bazanov. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 284 p.
10. Kara Adem (2005). *1828–29 Osmanlı-Rus Savaşı ve Anadolu'da Alınan Tedbirler. Balıkesir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi.* 8 (14). P. 115–131.
11. Kırzıoğlu M. Fahrettin (1958). *Edebiyatımızda Kars.* II. Kitap. İstanbul: Işıl Matbaası. 184 p.
12. Marks, K. *Padenie Karsa.* URL: http://www.2x2.info/rfilosofiya/sobranie_sochinenii_tom_11/p133.php (accessed: 18 July 2026).
13. Meyer, M.S. (2012). *520 let diplomaticheskim otnosheniyam Rossii i Turtsii.* Istoricheskie, kul'turnye i ekonomicheskie svyazi mezhdu Turtsiey i Rossiey: sb. mater. mezhdunarod. simp. (Stambul, 5–6 aprelya 2012). M.; Stambul. P. 11–17.
14. Potto, V.A. (1889). *Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh.* Vol. 4: *Turetskaya voyna 1828–1829 gg.* Sankt-Peterburg. 192 p.
15. Senkovskiy, O.I. (1854). *Obozrenie Ottomanskoy imperii, Valakhii i Moldavii E. Serchevskago. Biblioteka dlya chteniya.* Vol. 124. Otd. 5: Kritika. St. Petersburg. P. 44–66.
16. Sheremet, V.I. (2012). *Rossiya i Turtsiya: razvitie vzaimnykh predstavleniy narodov.* Istoricheskie, kul'turnye i ekonomicheskie svyazi mezhdu Turtsiey i Rossiey: sb. mater. mezhdunarod. simp. (Stambul, 5–6 aprelya 2012). M.; Stambul. P. 18–31.
17. Ulucutsoy Hasan (2019). *Türk Savaş Edebiyatı ve Propaganda (1828–1912).* Yayımlanmamış Doktora Tezi. Marmara Üniversitesi. 511 p.
18. Yılmaz A., Şahin A., Hatipoğlu G. (2021). *Türk ve Batı Müziği Tarihi.* Ankara: Millî Eğitim Bakanlığı Yayınları. 208 p.

Information about the authors:

Isayev Khurshud Bairam ohlu (Kars, Turkey) *– Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Slavic Languages and Literatures, Kafkas University (Kars, Turkey)*

Spheres of research and professional interest: history of Russian literature, Modern Russian literature, philological analysis of the text, etymology and history of words in the Russian language.

E-mail: hursutisa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4578-3833

Anzhela Demianiuk (Kars, Turkey) *– Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Slavic Languages and Literatures, Kafkas University (Kars, Turkey)*

Spheres of research and professional interest: conceptology, speech culture, Russian as a foreign language and methods of teaching, Cross-Cultural Communication

E-mail: dem.anzhela@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7704-4157

Acknowledgements: *The authors express gratitude to the reviewers.*

Author's contribution: *The work is solely that of the authors.*